

Дети проходных дворов

ПО СТИХАМ ВИКТОРА ЦОЯ

Действующие лица:

Андрей (Глыба) — 39 лет

Настя (Потерянное счастье) — 16 лет

Кича — 42 года

Маленький город. Спальный район. Двор. Таких дворов миллионы, но здесь стоит горка-гараж. Просто один смекалистый мужик замаскировал свой гараж под горку. И детям хорошо и ему приятно. А за горкой четыре лавки квадратом. И вот мы видим именно эти четыре лавки. На них в 90-е провели свою юность десять придурков. Не все, блин, выжили, но Андрюха, чьё погоняло Глыба, сегодня здесь. Он девять часов из Москл летел. И вот пришел к этим четырем лавкам. Атаc!

Появляется Андрей. На руках он несет тело, завернутое в окровавленную простынь. Кладет тело на одну из лавок, улыбается.

ГЛЫБА: Ни хрена, се!!! Всё как было! Даже лавки никто не красил за эти годы. «Гоблин – баран!» Прикинь?! *Ржет.* «Гоблин – баран!» - это я писал. Он достал меня в тот день. *Пауза.* Но Гоблин путевый был. Добрый. Гоблин добрый был. Редко это... встречалось... встречается... Да! Встречается. Чертовски классный парень был.

Гоблина мудака один сбил на «Марке» Да так, что нога правая отлетела. Гоблин по-ходу успел всё понять. Седого хоронили.

Мы с ним вот с таких (*жест*) вместе. Все гаражи облазили. В войнушку фигачили. Гоблин генерал. Все солдаты, он – генерал. Всегда. *Смеётся.*

Где Вы теперь и с кем,
Кто хочет быть судьей,
Кто помнит все имена
Нам не хватает тем,
Не нарушай покой,
Эта ночь слишком темна.

Где твой мундир, генерал,
Твои ордена, спина, как струна?

Ты уже слышал отбой.
Просто дождь бил по крыше твоей, генерал.

Всем находят время, чтобы уйти,
Никто не уйдет навсегда
Парламентеры один за другим
И каждый знает горечь плода.

Хочется спать, но вот стоит чай
И горит свет ста свечей.
Может быть, завтра с утра будет солнце
И тот ключ в связке ключей.

Мда... Добрый Гоблин... Смешно звучит. Здесь сидел. У каждого ведь свое место было.

Ни, одна падла не сидела нормально на лавках. Все сидели на спинках. Вот так. Как куры. Даже девки. Гоблин, Я, Заруба, Демьян, Кича, Ленка, Лисица, Санек, Шуба и... Настька. Вот это босота!

Шуба сдох первый. Нет, Шуба не умер, Шуба именно сдох. Вот на этой лавке. У всех на глазах. Потому, что Шуба вкачивал в себя всю дрянь, которая только есть на этом свете. Алкоголь? Да всё, что содержало градус, он вливал в себя. Ну, просто всякую хрень. Одеколон? Не проблема. Портвейн самый дешевый, боярышник... Курил он тоже всё, что находил. Потом стал колотья. Шуба боялся до судорог, хоть на минуту оказаться трезвым. Реальность обрушивала на него тот факт, что он ничтожество. И Шуба не мог с этим мириться. Он тут же нахлобучивался. Кололся при всех. Типа нам смотреть на это приятно. И сдох при всех. Вот тут. И это было... ожидаемо что ли... Ну, во всяком случае никто в шоке не был. Все даже злились на него – в том плане, что мог бы и отойти подальше. А то мы все засуетились: скорая, матери сообщать. Кому это надо было? Когда через два года Гоблина хоронили, никто в себя придти не мог. Это было нелепо. Неправильно – хоронить молодого, здорового кента. Умного и крутого. А Шуба – другое дело. Он убивал себя долго. Нарик конченный.

А "жизнь" - только слово,
Есть лишь любовь и есть смерть...
Эй! А кто будет петь,
Если все будут спать?
Смерть стоит того, чтобы жить,
А любовь стоит того, чтобы ждать...

Не то, чтобы все кроме Шубы были святыми. Нет! Все чё-то пробовали. Заруба в нормальном состоянии мухи бы не обидел. А тут клей момент на дно пакета – подышал поглубже, и ему показалось, что Лисица, это не девчонка на три года моложе из соседнего подъезда, а кукла. Резиновая. И она на него падает. Заруба ей и врезал про меж глаз как следует. Вот это все офигели тогда. Лисица его простила. Она знала, что Заруба добрый по натуре. Все этим клеём дышали. Кто на огромных проспектах оказывался, кто в каких мирах. Но Заруба после истории с Лисицей совсем перестал этой хренью увлекаться. И правильно. Хоть у кого-то в башке быстро проветривалось.

Наша шобла каждый вечер в неизменном составе за этой горкой сидела. Но кто в этот двор проходной только не заруливал. Колесов каждый вечер с гитарой мчался сюда как на работу. И мы орали песни. Мы жили этими песнями. Мы ими себя оправдывали. Тогда в девяностые у нас забрали комсомол, и у нас не было Бога. У нас были только эти песни. И мы в них растворялись. Назло соседям. Назло всему миру.

Я знаю, что если ночь — должно быть темно

А если утро — должен быть свет.

Так было всегда и будет много лет

И это закон.

И дети проходных дворов знают, что это так.

Я знаю, что если зима — должен быть снег

А если лето — должно быть солнце

И я это знаю, я об этом пою

Я надеюсь на то,

Что дети проходных дворов услышат меня

Есть два цвета — черный и белый

А есть оттенки которых больше.

Но нам нет никакого дела

До тех, кто черный кто белый

Мы дети проходных дворов

Найдем сами свой цвет.

Бляха! Но мы же жили тогда без иллюзий. Точнее мы ничего не считали иллюзией. Мы не копались в себе мы брали жизнь, каждый её день без этого дебильного вопроса «А что дальше» Мы не боялись не соответствовать искусственным гребанным идеалам!!! Мы жили! Мы, сука, просто жили.

Дети минут никогда не поймут

Круговорота часов.

И придут на порог. И сломают дверь.

И расколуют чашки весов.

Они не верят в победы добра над злом.

Как в победы зла над добром.

У них есть только серый день.

И они хотят жить этим днем.

Дети минут.

Почему?! Ну, почему мы тогда не боялись смерти? Вот вообще! Совсем. Она рядом была. Всё время. Приходила наркота – уводила друзей. Шестерки мафиозные убивали классных людей. А мы орали песни под гитару.

Нас было десять. Девчонок и парней, которые с детсада вместе. Пятерых уже нет. И я всё время думаю, может быть, лучше было скопытиться *тогда*? Чем дожить до страха смерти и равнодушия. И сытой пустоты.

Ты смотришь назад, но что ты можешь вернуть назад?

Друзья, один за одним превратились в машины.

И ты уже знаешь, что это - судьба поколений.

И если ты можешь бежать, то это твой плюс.

Ты мог быть героем, но не было повода быть.

Ты мог бы предать, но некого было предать.

Подросток, прочитавший вагон романтических книг,

Ты мог бы умереть, если бы знал за что умирать.

Попробуй спастись от дождя, если он внутри.

Попробуй сдержать желание выйти вон.

Ты педагогическая неудача и ты просто,

Вовремя не остановлен.

Теперь ты хочешь проснуться, но это не сон.

Глыба достаёт бутылку из внутреннего кармана кожаной куртки. Открывает.

Предлагает той, что в простыне.

ГЛЫБА: Будешь? *Молчание.* А я буду. *Пьет.*

Ходили все в одном и том же. Свитера «Boys» это же пинцед просто. А костюмы эти... спортивные «Адидас»? Помнишь, у тебя подруга была, которая носила такой костюм и босоножки на белые носки?

Девушка под окровавленной простыней смеётся.

Такая фифа. Мы называли её марамошкой. Чё это значит вообще? До сих пор не понял. И тогда бы никто не объяснил. Марамошка и марамошка. Хер знает, чё такое.

Ты бы так не оделась. В жизни бы не оделась. Ты умудрялась не носить то, что все носили.

Ты и челку эту злоеб.... ну в общем дебильную не делала. Как она называлась? Кок? Это ж, блин надо придумать. Я помню бабы как чё забульбелят себе на башке и на дискач в двадцать третью школу. А тебе же мать всё шила? Она классно шила. Конечно, на хрена нужны были все эти юбки горчичного цвета? А в спортивных пошлых штанах с вышивкой

я тебя вообще не представляю. Тогда не понимал, сейчас точно могу сказать — ты была самая стильная. Угу...

Андрей садится на асфальт, закрывает голову руками. Потом встает, берет тело на руки, целует его. Садится на лавку, качает как ребенка.

Мы не видели солнца уже несколько дней,
 Наши ноги утратили крепость на этом пути,
 Мне хотелось войти в дом, но здесь нет дверей,
 Руки ищут опору, и не могут найти.

Я хочу войти в дом... Хочу войти в дом... В дом...

Я сточил не один медиатор о терку струны,
 Видел много озер, но я не видел морей,
 Акробаты под куполом цирка не слышат прибой,
 Ты за этой стеной, но я не вижу дверей.

Я хочу быть с тобой... С тобой... С тобой...

Я родился на стыке созвездий, но жить не могу,
 Ветер двадцать метров в секунду ночью и днем,
 Раньше я читал книги, а теперь я их жгу,
 Я хотел идти дальше, но я сбит с ног дождем.

Я хочу быть с тобой... С тобой... С тобой...
 Я хочу быть с тобой... Я хочу быть с тобой...

Девушка убирает простыню с лица. Это Настя. Она юная и красивая. Но вся в царапинах и крови. Она гладит Андрея по лицу. Не рукой, а пальцами. Настя всё говорит по факту, очень спокойно, без эмоций.

НАСТЯ: Ты другой. Ты стал другим. Ты такой... уставший.пусти меня.

ГЛЫБА: Не могу, не могу, извини, не могу.

НАСТЯ *встает, избавляется от простыни*: Это не честно! Не честно цепляться ногтями за мою жизнь.

ГЛЫБА: У тебя нет жизни.

НАСТЯ: Вот именно. Отстань.

Пой свои песни, пей свои вина, герой

Ты опять видишь сон о том, что все впереди,

Стоя на крыше ты тянешь руку к звезде,

И вот она бьется в руке, как сердце в груди

ГЛЫБА:

Что теперь делать с птицей далеких небес

Ты смотришь сквозь пальцы, но свет слишком ярок и чист.

И звезда говорит тебе: "Полетим со мной"

Ты делаешь шаг, но она летит вверх, а ты вниз

НАСТЯ:

Но однажды тебе, вдруг удастся подняться вверх.

И ты сам станешь одной из бесчисленных звезд.

И кто-то снова протянет тебе ладонь,

А когда ты умрешь, он примет твой пост.

Настя забирает у Глыбы бутылку и пьет.

Ты меня достал. Ты меня достал. *Пауза.* Дай курить.

ГЛЫБА: Я не курю.

НАСТЯ: Давно ли?

ГЛЫБА: И ты не куришь. Помню, три раза затянулась, чуть легкие не выплюнула.

НАСТЯ: Ты не разрешал. Ты, ведь, хотел от меня здоровых детей. А с подругами я курила иногда. Баловалась. Редко курила и только «Кэмел» или «Мальборо»

ГЛЫБА: Не только из-за детей не разрешал. Я просто переживал. Мы со школы вместе. Ты вспомни, мать!

Пустынной улицей вдвоём,

С тобой куда-то мы идём,

А я курю, а ты конфетки ешь.

И светят фонари давно,

Ты говоришь - пойдёшь в кино,

А я тебя зову в кабак, конечно.

Восьмиклассница

Ты говоришь, что у тебя

По географии трояк,

А мне на это просто наплевать.

Ты говоришь, из-за тебя

Там кто-то получил синяк -

Многозначительно молчу,

И дальше мы идём гулять.

Восьмиклассница

Мамина помада,

сапоги старшей сестры,

Нелегко с тобой,

А ты гордишься мной.

Ты любишь своих кукол

И воздушные шары,

Но в десять ровно

Мама ждёт тебя домой.

Восьмиклассница

Настя хочет что-то сказать, передумывает. Пауза.

НАСТЯ: Мы сидели вот здесь. Помнишь? Какая разница, где сидеть? Но у каждого было своё место. И мы сидели здесь. Ты всё время держал меня за руку.

ГЛЫБА: Да! Мы всё время держались за руки как дебилы.

НАСТЯ: И ты постоянно рассматривал мои ногти.

ГЛЫБА: Они были короткие и с бледным лаком.

НАСТЯ: Со светлым.

ГЛЫБА: Что?

НАСТЯ: Со светлым. Не говорят – с бледным лаком.

ГЛЫБА: Да какая разница? Главное, что все девки отращивали вот такие сабли, а у тебя - подстриженные маленькие ногти, тонкие пальчики... Ты метр с кепкой, коленки острые как у ребёнка...

НАСТЯ: Да. Точно. Ребенок.

ГЛЫБА: Ребенок.

Пауза.

НАСТЯ: Отпусти меня.

ГЛЫБА: Не могу, не могу, извини, не могу.

НАСТЯ: Почему? Глыба, почему?

ГЛЫБА:

Тёплое-тёплое море. Жаркое солнце.

Синие-синие волны и пустынный пляж.

Музыка рядом с тобою, ты рядом со мною

И весь этот берег наш.

Когда я вижу, как ты танцуешь,

Малыш ,ты меня волнуешь.

Когда ты смотришь так серьезно,

Малыш я тебя люблю.

Когда ты робко меня целуешь,

Малыш ты меня волнуешь.

Но не могу, не могу, не могу.

Песня летит над волнами, летит как цунами,

Но корабль за горизонтом плывет.

Что же случилось с нами?

Что случилось с нами?

Этот вопрос мне покой не дает.

НАСТЯ: Зависть! Зависть – зависть – зависть! Тогда нас невозможно достала зависть людей. Они же не знали, что случится потом. Меня собственная сестра ненавидела. Иду со школы, а бабки во дворе – «Господи деточка, какая же ты красивая! Вылитая Бриджит Бардо в юности!» А Ленка из окна – «Не балуйте мою сестру! Дуры старые! Она и так эгоистка!» Дома запрещала мне брать свои вещи и косметику. Всё под замок прятала. Она же не знала, что случится потом. А я всё равно брала. Мне хотелось выглядеть взрослее.

Подходить тебе. Ты ведь был старше. Ты был такой классный. Девки от тебя с ума сходили. Только и слышно было: «Глыба такой красавчик! У Глыбы такой торс! Глыба на актера похож. Он такой клёвый» А Глыба был мой. И ни на кого не смотрел. «Боже! Она совсем ребенок! Он её бросит!» Но ты не бросал. И все завидовали. Они ведь не знали, что случится потом. Всегда вместе! Мы были всегда, всегда вместе. В кинотеатр. В кафе. На море. В поход. На дискач. Всегда вместе. Но ты со мной не спал. Я, ведь была «совсем ребенок» И мы не спали. Мы ведь не знали, что случится потом.

Долгая пауза.

Я смотрю в окно на грустный бал зимы:
Деревья без листьев, долгая ночь.
С каждым днем труднее помнить лето.
Эти дни не могут мне помочь.

Мертвое тепло в железе батареей.
Мерзлые цветы на рынке плачут.
Каждый вечер хочется быть дома.

ГЛЫБА:

Эти дни не так уж много значат.

НАСТЯ:

Первый снег красив, но он несущий смерть.

Голуби сидят на люках жизни.

В это время больше хочется тепла.

Я сижу и жду свою весну.

ГЛЫБА: В ту пятницу, как всегда, был дискач. Наверное, это был единственный день, когда мы пошли туда не вместе. Но мы ведь не знали, что случится потом. Демьян перетаскивал мебель от своей бабки и попросил помочь. А подружкам твоим не терпелось потрясти задом. И я отпустил тебя... Я...Я... я ведь не знал, что случится потом.

НАСТЯ: Все смотрели на меня и спрашивали: «Вы расстались с Глыбой? Где Глыба? Где Глыба?» Как будто мы с тобой были пришиты друг к другу.

ГЛЫБА: Я помню...

НАСТЯ: Всё!!! Я не хочу об этом говорить! Не хочу! Не хочу! Не хочу! Я умерла! Меня нет!

Пауза. Настя ложится, накрывается простыней. Глыба ходит по квадрату вокруг лавок. Потом резко останавливается.

ГЛЫБА: Что там?

НАСТЯ: Где – там?

ГЛЫБА: У тебя... Там где ты сейчас.

Настя убирает простыню.

НАСТЯ:

Я вижу, как волны смывают следы на песке,
Я слышу, как ветер поет свою странную песню,
Я слышу, как струны деревьев играют ее,
Музыку волн, музыку ветра.
Здесь трудно сказать, что такое асфальт.
Здесь трудно сказать, что такое машина.
Здесь нужно руками кидать воду вверх.
Музыка волн, музыка ветра.

Мне хорошо здесь. Я плаваю как рыба и летаю как птица. Вместо тела покой.

ГЛЫБА: Ты нашла свой покой. А я не могу. Как ты могла меня кинуть? Я хочу к тебе. Я так невероятно хочу к тебе.

НАСТЯ: Ты же верный, Глыба. Ты вот так просто бросишь свою жену и придешь ко мне?

ГЛЫБА: Я ни минуты не мог без тебя прожить. Без других – запросто. А без тебя - ни минуты. Настя! *Смеётся.* Ты моё потерянное счастье. Даже Кича говорил, что он верит в Апокалипсис, но в то, что мы с тобой разбежимся он не верит.

Пауза.

НАСТЯ: Кича на острове.

ГЛЫБА: Кича здесь на Сахалине? Да ладно?

НАСТЯ: Хочешь с ним встретиться?

ГЛЫБА: Нет. Ни при каких обстоятельствах.

НАСТЯ: Ага. Он в морщинах. Он старый. Он был самый старший из нас.

Молчание.

ГЛЫБА: А ты всегда молодая. А хули? С высоты - башкой вниз и навсегда молодая...

НАСТЯ: Я не буду говорить об этом. Ты знаешь, я не могла по-другому.

ГЛЫБА: Все переживали, не ты одна.

НАСТЯ: Но не всех, а меня одну трахнуло восемь человек. И с этим невозможно было жить.

ГЛЫБА: Я не...

НАСТЯ: Заткнись Глыба! Ты большой и тупой! Ты ничего не понимаешь! Заткнись!

Пауза.

Они утащили меня в подвал школы. Большой рыжий ублюдок – шестерка Япончика... Это была его идея. Они держали меня и по очереди насиловали. И ржали! Они так громко ржали!!! На мне была кофта сестры в сеточку. Они в эту сеточку совали свои пальцы. Трогали меня за грудь. А потом один ударил. Я не понимала за что. Я не понимала. Но сейчас поняла. Зависть! Все нам завидовали Глыба! Это в природе людей – испортить то, чего нет у них. Изувечить. Осквернить, Глыба. Все завидовали нашей любви. Кто-то, услышав крики, позвонил в милицию. И, когда меня выводили из подвала, я видела счастливые лица девок, которые были в тебя влюблены.

Зерна упали в землю, зерна просят дождя.
 Им нужен дождь.
 Разрежь мою грудь, посмотри мне внутрь,
 Ты увидишь, там все горит огнем.
 Через день будет поздно, через час будет поздно,
 Через миг будет уже не встать.
 Если к дверям не подходят ключи, вышиби двери плечом.

Мама, мы все тяжело больны...
 Мама, я знаю, мы все сошли с ума...

Сталь между пальцев, сжатый кулак.
 Удар выше кисти, терзающий плоть,
 Но вместо крови в жилах застыл яд, медленный яд.
 Разрушенный мир, разбитые лбы, разломанный надвое хлеб.
 И вот кто-то плачет, а кто-то молчит,
 А кто-то так рад, кто-то так рад...

Мама, мы все тяжело больны...
 Мама, я знаю, мы все сошли с ума...

Глыба ложится на лавку лицом вниз.

Ты должен быть сильным,
 Ты должен уметь сказать
 Руки прочь, прочь от меня!
 Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть.

Что будет стоить тысячи слов,
 Когда важна будет крепость руки.
 И вот ты стоишь на берегу -
 И думаешь «Плыть или не плыть?»
 Мама, мы все тяжело больны.
 Мама, я знаю, мы все сошли с ума.
 Все тяжело больны, мама я знаю мы все сошли с ума.

Молчание.

Помнишь, тогда никто не верил в справедливость? Менты не стали никого искать.
 ГЛЫБА: Хозяин ублюдков им заплатил. Все менты были куплены. За тринадцать тысяч километров от столицы никто ничего не боялся. Островом управляли три группировки и, чтобы расправиться с шестерками одной, платили шестеркам другой. Стреляли, убивали каждый день. А мы за горкой орали свои песни. Но тогда мы стали всей босотой собирать деньги, чтобы ликвидировать выблядков, которые тебя обидели.

НАСТЯ: Я об этом не знала. Но я видела их лица, слышала их запах и смех постоянно. Каждую секунду. Как я могла с этим жить? Как? У меня не получалось.

ГЛЫБА: И ты свалила, наплевав на всех. И я это помню как сейчас...
Стоя на крыше ты тянешь руку к звезде?
И вот она бьется в руке, как сердце в груди

Что теперь делать с птицей далеких небес
Ты смотришь сквозь пальцы, но свет слишком ярк и чист
И звезда говорит тебе: "Полетим со мной"
Ты делаешь шаг, но она летит вверх, а ты вниз

НАСТЯ:
Но однажды тебе, вдруг удастся поднять вверх.
И ты сам станешь одной из бесчисленных звезд.
И кто-то снова протянет тебе ладонь,
А когда ты умрешь, он примет твой пост.

Ты должен отпустить...
Ты живешь в столице. У тебя есть жена, дети. Но у тебя нет настоящего. Ты не хочешь пить момент. Ты здесь всегда. Ты всегда на этих четырех лавках Глыба. Вместе с детьми проходных дворов. Ты здесь с гитарой, с пакетом клея. Нацарапываешь ножом надписи про Гоблина и Лисицу. Ты держишь меня за руки и рассматриваешь мой маникюр. Ты всё ещё в свитере «Boys» Глыба. Ты всё ещё в свитере «Boys»

Раньше в твоих глазах отражались костры,
Теперь лишь настольная лампа, рассеянный свет...
Что-то проходит мимо тебе становится не по себе.
Это был новый день, в нем тебя нет.

Раньше в твоих глазах отражалась ночь,
Теперь, когда за окнами ночь твои глаза спят.
И вот на рассвете ты не заметил, как начался новый день
Ты до сих пор в старом там нет никаких преград.
Они молчат. Они невероятно долго молчат.

ГЛЫБА:
Песен еще не написанных сколько,
Скажи кукушка пропой.
В городе мне жить или на выселках
Камнем лежать или гореть звездой... звездой.

Солнце мое взгляни на меня.
 Моя ладонь превратилась в кулак.
 И если есть порох, дай огня вот так.

Кто пойдет по следу одинокому
 Сильные да смелые головы сложили в поле в бою.
 Мало кто остался в светлой памяти,
 В трезвом уме да с твердой рукой в строю в строю.

Солнце мое взгляни на меня.
 Моя ладонь превратилась в кулак.
 И если есть порох, дай огня вот так.

Где же ты теперь воля вольная?
 С кем же ты теперь ласковый рассвет встречаешь, ответь.
 Хорошо с тобой да плохо без тебя,
 Головы да плечи терпеливые под плеть под плеть

Солнце мое взгляни на меня.
 Моя ладонь превратилась в кулак.
 И если есть порох, дай огня вот так.

Я повсюду таскаю за собой, твоё окровавленное тело... Я не могу тебя простить.

НАСТЯ: За что?!

ГЛЫБА: Я не могу простить свое потерянное счастье. Хм... смешно.

Когда ты улетела, я считал себя преданным. Всегда вместе? А что ж ты ни на секунду не задумалась, о том, что же будет с Глыбой, когда ты шагнешь с этой гребанной крыши...

Ты думала только о себе. В твою маленькую юную голову ни разу не пришло: «Ну, вместе с Глыбой мы всё переживем! Нам любое горе по плечу. Мы ведь любим друг друга. Ради него я, пожалуй останусь на этой планетке» Почему ты так не думала, Настя? Почему? Ответь мне.

НАСТЯ *отстраненно*: От подвала, до крыши было пять дней. Пять дней. Пять дней ада. Невероятной муки. Темноты и боли. Я помню, как пришла мамина подруга и сказала, что, у её дочери нашли рак. И она скоро умрет. Как я захотела этот рак. Я бы, не раздумывая, поменяла вечер в подвале на рак. Не раздумывая... Прости меня, Глыба! Но я не могла даже дышать. Я понимала, что никогда не забуду их дыхание. Что всё, о чем мы мечтали, осталось в подвале. Всё разбилось, Глыба! Всё! И я не видела смысла. Мне было очень больно. Очень больно! И я хотела тишины в голове.

Пауза.

ГЛЫБА:

День как день,
Только ты почему-то грустишь.
И вокруг все поют,
Только ты один молчишь.

Потерял аппетит,
И не хочешь сходить в кино.
Ты идешь в магазин,
Чтобы купить вино.
Солнце светит, и растет трава,
Но тебе она не нужна.
Все не так, и все не то,
Когда твоя девушка больна,
Когда больна...

Я никогда так быстро не бегал. Никогда. Был пятый день, Настюха. Ты не отвечала на звонки. Не выходила из дома. И тут звонит твоя мамка: «Настя пропала, Андрей! Она ушла!!! Она ушла!!!» И плачет. Даже не плачет – орет. Я метнулся искать. У всех спрашиваю – никто не видел. И тут Кича мчится. Бабка Демьяна увидела тебя из окна. Наш остров сейсмоопасная зона – всего одна многоэтажка в районе и ты в неё зашла. Хули... я не сомневался - зачем.

Пауза.

Я никогда так быстро не бегал. Никогда. Вызвал лифт, а он не едет. Собирает наверху людей. И я мчусь по лестнице, в глазах темно, в горле сухо. Сердце вот-вот выбьет на хер грудную клетку. Но я мчусь. Потому что всё на карте! Всё!

Пауза.

Я выбежал на свет... Увидел твою спину. Такая маленькая, хрупкая стоишь. И была секунда до твоего шага, но я тогда успел подумать, что это не справедливо! Не справедливо было взваливать на тебя такое! «Бог ты облажался! Это не честно!» сказал я тогда себе. И потом, ты делаешь этот шаг и вакуум. Я стоял секунду, не двигаясь, но эта секунда была вечностью. А переждав вечность, я рванул вниз. И снова было сухо во рту и сердце стучало как ненормальное. И я придурок бежал и думал, что ты не могла умереть, что это вопреки логике и вопреки здравому смыслу. Сейчас я увижу, как ты зацепилась за ветку или менты тебя поймали на руки. Прикинь, что я дебил думал. Но я увидел только море крови. И Кича плакал как ребёнок. Какие-то бабы орали. Меня не пускали к тебе, и я выл. Сука, реально, выл... как волк.

Танец на улице, танец на улице в дождь,
Зонты, раскрываясь, звучат, словно выстрелы ружей.
Кто-то бежал, а кто-то остался здесь,
И тот, кто остался, шагает прямо по лужам.

Капли дождя лежат на лицах, как слезы,
Текут по щекам словно слезы.
Капли дождя лежат на лицах, как слезы,
Ты знаешь теперь этот танец.

Битые стекла, рваные брюки - скандал.
К черту зонт, теперь уже все равно.
Танец и дождь никогда не отпустят тебя,
В их мокром объятии не видно родное окно.

Капли дождя лежат на лицах, как слезы,
Текут по щекам словно слезы.
Капли дождя лежат на лицах, как слезы,
Ты знаешь теперь этот танец.

Мокрые волосы взмахом ладони - назад,
Закрыв свою дверь, ты должен выбросить ключ.
И так каждый день, так будет каждый день,
Пока не увидишь однажды небо без туч.

Капли дождя лежат на лицах, как слезы,
Текут по щекам словно слезы.
Капли дождя лежат на лицах, как слезы,
Ты знаешь теперь этот танец.

НАСТЯ: Глыба потанцуй со мной. Давай танцевать.

Странно они танцуют. Без музыки и почти не двигаясь.

ГЛЫБА: Гребанные девяностые, да Настька? Только таким неудачникам как мы не повезло быть юными в эти годы. Столько смертей! И ты капля в этом море. Знаешь, я никогда не смотрю на спины людей. Я боюсь, что они так же исчезнут. Ведь нужен только шаг.

Пауза.

Ты так пахнешь. Ты вкусно пахнешь. Ребенок. Маленький хрупкий ребенок. Тебя всегда было легко таскать на себе.

Хватает Настю, взваливает на плечо. Она смеётся.

Одной рукой мог тебя поднять. Вот так!

НАСТЯ: Помнишь к нам приезжала любимая группа? Я весь концерт у тебя на плечах просидела?

ГЛЫБА: Помню. Лисица по сравнению с тобой – танк, полезла на плечи Зарубы. Он потом орал, что могильная плита лучше.

НАСТЯ: Они после концерта разругались в хлам.

ГЛЫБА: Точно. Навсегда. А ну-ка встань мне на плечи. Сможешь?

НАСТЯ: Нет! Я боюсь. Ай!

ГЛЫБА: Ну, получается же!

НАСТЯ: Нет!!! Снимай меня! *Ржут.*

ГЛЫБА: Ели бы не твой полет с крыши, мы могли бы стать семьей циркачей. Акробатами, блин! Прикинь! Я бы тебя подкидывал, а ты сальто делала... в воздухе.

НАСТЯ: Ага. Веселуха.

Молчат.

А жену на руках ты носишь?

ГЛЫБА: Нет.

НАСТЯ: А на плечи сажаешь?

ГЛЫБА: Нет.

НАСТЯ: А ты её любишь?

Молчание.

ГЛЫБА:

В моем доме не видно стены,

В моем небе не видно луны.

Я слеп, но я вижу *тебя*,

Я глух, но я слышу *тебя*.

Я не сплю, но я вижу сны,

Здесь нет моей вины,

Я нем, но ты слышишь меня,

И этим мы сильны.

И снова приходит ночь,

Я пьян, но я слышу дождь,

Дождь для нас...

Квартира пуста, но мы здесь,
Здесь мало, что есть, но мы есть.
Дождь для нас...
Ты видишь мою звезду,
Ты веришь, что я пойду.
Я слеп, я не вижу звезд,
Я пьян, но я помню свой пост.

Ты смотришь на Млечный Путь,
Я - ночь, а ты - утра суть.
Я - миф, а ты нет,
Я слеп, но я вижу свет.

И снова приходит ночь,
Я пьян, но я слышу дождь,
Дождь для нас...
Квартира пуста, но мы здесь,
Здесь мало, что есть, но мы есть.
Дождь для нас...

НАСТЯ: Ты тоже мертвый, Глыба. Ты живешь с мертвой женщиной, тебя окружают мертвые друзья. Ты пьешь мертвую воду и ешь мертвую еду. Ты холодный. Твои близкие не чувствуют твоего тепла.

ГЛЫБА: Почему ты всё время это говоришь?

НАСТЯ: Потому, что ты должен уйти или придти. Нельзя находиться между. Ты либо в игре, либо на свободе.

ГЛЫБА: На свободе?

НАСТЯ: Ложись!

ГЛЫБА: Зачем?

НАСТЯ: Ложись! Теперь закрой глаза. Теперь растай! Тела нет. Твердого нет, мягкого нет, жидкого нет. В тебе нет, вокруг нет, нигде нет. Мыслей нет! В голове белый свет. Под сердцем белый свет. Вокруг белый свет. Боли нет! Жажды нет! Голода нет! Желаний нет! Что ты чувствуешь?

ГЛЫБА *через паузу*:

Я вижу, как волны смывают следы на песке,
Я слышу, как ветер поет свою странную песню,
Я слышу, как струны деревьев играют ее,
Музыку волн, музыку ветра.

Здесь трудно сказать, что такое асфальт.
 Здесь трудно сказать, что такое машина.
 Здесь нужно руками кидать воду вверх.
 Музыка волн, музыка ветра.

Глыба резко садится. Молчит.

Я боюсь этой свободы. Я не хочу пустоты и покоя.

НАСТЯ: Значит ты ещё в игре. Значит уходи. Отпусти меня. Тебе нечего здесь делать. Детей проходных дворов больше нет. Их нет. Даже те, что живы - иные. Бросай всё Глыба, растворяйся в моменте. Уходи!

ГЛЫБА: Я не знаю как, малыш. Не знаю как.

НАСТЯ: Главное условие для продолжения игры – прощение. Это самый сложный этап. Кто не справится с прощением, будет исключен. Прости! Всех. И прости себя.

ГЛЫБА: Я... отомстил, малыш. Я никогда не мог понять, что такое прощение. И не пойму. Я отомстил. Прикинь...

Тишина.

Я убийца.

НАСТЯ: Я знаю. Говори.

ГЛЫБА: Нет.

НАСТЯ: Ты должен выпустить из себя вампира, иначе он выпьет твою кровь.

ГЛЫБА: Я пытался говорить, но звуки застревают, сука, в горле. Это невозможно! Кича! Если я его увижу... Один взгляд, всего один взгляд друг на друга и мы сдохнем на хрен! Эта тайна разрежет нас пополам.

Молчание.

Я всё время думаю: вот ты живешь и тебе, приходится играть социальные роли, да? От этого, ведь, не уйти. И я в голове вижу список: сын, брат, россиянин... убийца. Или – муж, отец, музыкант...убийца. Но знаешь, что самое страшное? Пугает только слово. Задай мне вопрос – если бы не Кича, я сам бы это сделал? Сделал! Вернуть бы всё назад, я сделал бы это снова? Сделал!!!

Пауза.

Кича, блин, ищейка, выследил их. Через два месяца он знал о каждом всё. Но главное он узнал, где вся эта шваль будет встречать Новый Год. И мы сделали себе подарок. Поехали к ним на дачу с Кичей. Очень помогли решетки на окнах, а двери мы подперли. *Молчание.* Мы стояли и любовались, как они горят и я думал о тебе. И Кича стоял рядом и думал о

тебе. Он умел не завидовать. Мы с тобой были для него сказкой и его лишили этой сказки. И даже если бы меня не было рядом, Кича все – равно замутил бы эти новогодние шашлыки. Твоя спина и этот огонь, это два слагаемых какой-то суммы. Только эти слагаемые нельзя поменять местами. Если бы я мог, я бы поменял. Был бы огонь, не было б спины. И не было бы этого примера.

А потом я как-то жил. И я всё -время думал может мне шагнуть за тобой? С этой крыши? Всего шаг. Немного решимости и тишина в голове. Я даже стоял на этой крыше. Но я не такой смелый как ты малыш. И поэтому я ждал катастрофы. Я был уверен, что случится какая — нибудь хрень и я умру. Ведь все умирали вокруг. Даже Колесова пробила шальная пуля шестерок. И его гитара замолчала. И мы заткнулись. Мы перестали петь свои песни.

НАСТЯ:

Сегодня кому-то говорят: До свиданья!

Завтра скажут: «Прощай навсегда!»

Заалееет сердечная рана.

Завтра кто то, вернувшись домой,

Застанет в руинах свои города,

Кто то сорвется с высокого крана.

Следи за собой,

будь осторожен!

Следи за собой!

Завтра кто-то утром в постели

Поймет, что болен неизлечимо,

Кто то, выйдя из дома, попадет под машину.

Завтра где то в одной из больниц

Дрогнет рука молодого хирурга,

Кто то в лесу нарвется на мину.

Следи за собой,

будь осторожен!

Следи за собой!

Ночью над нами пролетел самолет,

Завтра он упадет в океан,

Погибнут все пассажиры.

Завтра где то, кто знает где?

Война, эпидемия, снежный буран,

Космоса черные дыры...

Следи за собой,

будь осторожен!

Следи за собой!

Настя ложится на лавку накрывается простыней.

ГЛЫБА: А теперь я думаю, какого черта мы отправили ублюдков к покою и свободе. Мы дебилы, что ли? Мы облажались. Ад здесь. И мы с Кичей остались в аду, а они — улетели туда, где нет мыслей. Какая ирония!

Здравствуйте, девочки!
Здравствуйте, мальчики!
Смотрите на меня в окно
И мне кидайте свои пальчики, да.
Ведь я сажаю алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.
Я сажаю алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.

Три чукотских мудреца
Твердят, твердят мне без конца:
Металл не принесет плода,
Игра не стоит свеч,
А результат - труда.
Но я сажаю алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.
Я сажаю алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.

Злое белое колено
Пытается меня достать.
Колом колено колнот в вены
В надежде тайну разгадать - зачем
Я сажаю алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.
Я сажаю алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.

Кнопки, скрепки, клепки,
Дырки, булки, вилки.
Здесь тракторы пройдут мои
И упадут в копилку,
Упадут туда,
Где я сажаю алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.
Я сажаю алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.

Такая вот, млять, сложная игра. С такими правилами. И главное условие — прощение. Моё потерянное счастье свободно. Ублюдки счастливы и спокойны. И только мы с Кичей два молодых старика с прокуренной душой, шарахаемся по планете, наделали, дел и всё время дождь в наших судьбах! Это потому, что мы не умеем прощать? Да, Настька? Да никогда я не думал об этом! Прощать — не прощать! Я пытаюсь отправить на дно себя всё дерьмо моей жизни, но оно вытекает, в самые неподходящие моменты. Как мне уничтожить детей проходных дворов?! Как взорвать эти гребанные четыре лавки. Я хочу, чтоб вы все заткнулись! И ты, и Кича, и Заруба, и Лисица... Я хочу тишины в моей голове!!!

Покажи мне людей уверенных
 В завтрашнем дне
 Нарисуй мне портреты погибших на этом пути
 Покажи мне того кто выжил один из полка
 Но кто-то должен стать дверью
 А кто-то замком
 А кто-то ключом от замка
 Земля небо
 Между землей и небом война
 И где бы ты не был что б ты не делал
 Между землей и небом война
 Где-то есть люди для которых
 Есть день и есть ночь
 Где-то есть люди у которых
 Есть сын и есть дочь
 Где-то есть люди для которых
 Теорема верна
 Но кто-то станет стеной а кто-то плечом
 Под которым дрогнет стена
 Земля небо
 Между землей и небом война
 И где бы ты не был что б ты не делал
 Между землей и небом война.
 Между землей и небом война.
 Между землей и небом война!

Глыба хватает простынь, под ней Насти нет. Он садится на спинку лавки, смотрит в одну точку.

Появляется Кича. Он долго смотрит на Глыбу, потом садится рядом.

КИЧА: Доброе утро, последний герой!

ГЛЫБА: Доброе утро!

Молчат.

КИЧА: Я тебя из окна увидел. И че-то так разволновался, аж руки затряслись. И сначала подумал — не нужно нам встречаться. На кой хрен это нужно?

Поколение Икс поколение Ноль

Мы странны, нас узнать можно с первого взгляда.

Мы забыли про боль - перекатная голь.

Я не знаю, кому из нас здесь еще что-нибудь надо.

Я ждал, когда же ты свалишь отсюда, чтоб искушения не было к тебе подойти. Я ведь, зверски скучал, Глыба.

Потом чай попил, выглядываю, а ты всё ещё здесь. Нет, думаю, всё равно не пойду.

ГЛЫБА: Почему?

КИЧА: Я вдруг представил как мы посмотрим друг на друга и эта тайна... она разрежет нас пополам. Хотя знаешь, никакая это не тайна. Все знали, что это были мы. И все нас уважали за это. Нас одобряли.

ГЛЫБА: Такое нельзя одобрить.

КИЧА: Тогда было можно. Тогда многое было можно. Сейчас тоже много дерьма, но тогда все в нем тонули, помнишь?

ГЛЫБА: Как ты живешь, Кича?

КИЧА: Хорошо.

ГЛЫБА: Как ты, с этим живешь, Кича?

КИЧА: Хорошо. Надо в любом случае жить хорошо, Глыба. Чё ты сидишь здесь третий час?! Что ты пытаешься вернуть? Что ты пытаешься понять? Я смотрел из окна как ты тут ходишь, руками машешь как дурак. И думаю, пойду все таки скажу ему, что он дурак. Ты дурак Глыба.

ГЛЫБА: Ты каждый день видишь из окна эти четыре лавки?

КИЧА: Но я не вижу нас на них. В какой-то момент я отказался видеть. Прошлое — это слайды. И всё!

Чтение книг - полезная вещь, но опасная, как динамит,

Я не помню, сколько мне было лет, когда я принял это на вид,

Мне скучно смотреть сегодня кино, кино уже было вчера.

И как каждый день ждет свою ночь - я жду свое слово — "Пора"!

Открывать двери, пора зажигать свет, пора уходить прочь, пора!

Я не знаю, как бы я жил, если бы я жил один,

Осень - это только красивая клетка, но в ней я уже, кажется, был,

И я прожил там свои сорок дней, и сегодня уже не вчера,

Я уйду, оставляя листок с единственным словом - Пора!

Открывать двери, пора зажигать свет, пора уходить прочь, пора!

ГЛЫБА: Какого черта ты тогда, ухаживаешь за настюхиной могилой? Пусть зарастает на хер! Это же прошлое.

КИЧА: Не путай уважение с погружением. Если твоя мама рассказала об этом, почему не поведала, что за могилами Шубы и Колесова я тоже ухаживаю. Я люблю кладбище. Там тихо, и там нет фальши.

ГЛЫБА: Кича, а тебе не кажется странным, что столько невинных людей умерло, а мы с тобой живы.

КИЧА: Лишний повод задуматься о том, что смерть не наказание.

Молчание.

ГЛЫБА: Я всегда вижу Настю и слышу как ублюдки орут в огне. У тебя также?

КИЧА: Нет, я не парюсь. Мне сейчас правда всё в удовольствие.

ГЛЫБА: Как у тебя это получается?

КИЧА: Я ведь, в какой-то мере отдал должок. Через год после твоего отъезда папаша одного из тех парней нашел меня. Семь ножевых, Глыба! Семь ножевых. Врачи называли чудом, то, что они сумели меня спасти. А, когда я очухался, я так хотел кофе. *Смеётся.* Я думал, что как только я приду домой я набульбешусь кофе до одури. Но мне хватило чашки. Каждый глоток, аааа, это такой кайф. Делаешь глоток и — блаженство! И я подумал, что если бы я был мертвым то не получил бы от кофе такого кайфа. А потом, когда я встал на ноги после резни, я пошел гулять к реке. Я шел и думал: «Ух-ты у меня две ноги, я иду и это чудо!» И я бы не получил от прогулки такого кайфа если бы был мертвым. И ещё я решил, что, конечно я могу умереть уже завтра, но сегодня я буду гулять и пить кофе. И ещё смотреть на небо. И, если, получится, даже поцелую девчонку. И не буду ругаться на мать и бабу. Я не буду на это тратить время.

ГЛЫБА: О! Кича, ты, типа, философ. Ты можешь придумать себе любые отмазки, но ты убийца. Это вписано в твою биографию. Ты убийца.

КИЧА: Да. Но знаешь, пока семь ножевых не сделали меня спокойным, в моей голове было две чашки весов. И когда на одной из них оказывалась Настька с белым лицом после беды, я тут же на другую клал упырей горящих в огне. И появлялось равновесие, Глыба. Ты можешь считать меня чудовищем, но появлялось равновесие.

Расслабься, брат. Ты не можешь изменит слайды. Так зачем париться?

Кроме того, я ни о чем не жалею. Знаешь почему? Помнишь, по малолетству мы играли в «Марио»? Он там прыгал через пропасть, собирал монетки. Вот представь себе такую игру — появляется, значит, этот Марио и идет. Идет по абсолютно ровной дороге. Никто ему не мешает, сверху на него сыпется золото. И так пятьдесят раундов. Интересно? Кто тебе будет кричать: «Круто! Как ты добрался до этого уровня?!» Мы все хотим ровной дороги, Глыба. Но когда я буду подыхать, я смогу себе смело сказать: « Я молодец! Я супер Марио! Я скакал через пропасти, с трудом собирал монеты. Я много раз был на грани. И я прошел до хрена уровней!» А сейчас у меня есть куча мелких радостей.

ГЛЫБА: Весь твой придуманный радужный мир с этими радостями— иллюзия.

КИЧА очень радостно: Точно! Точно, иллюзия! Только, когда полная задница — это тоже иллюзия.

ГЛЫБА: Так где же истина?

КИЧА: Её нет. Есть только выбор. Я свой сделал.

Гроза за окном,

Гроза с той стороны окна,

Горят фонари и причудливы тени,

Я смотрю в ночь,

Я вижу, что ночь темна,

Но это не станет помехой прогулке

Романтика.

Романтика.

Подворотни страшны,

Я слышу, как хлопают двери.

Черные кошки перебегают дорогу.

Пусть бегут,
 Я в эти сказки не верю.
 И это не станет помехой
 прогулке романтика.
 Трудно идти,
 Я вышел уже давно,
 И вечер в гостях был так приятен и весел,
 Я пил вино,
 Я так люблю вино,
 Но это не станет помехой
 прогулке романтика.
 Я проснулся в метро,
 Когда там тушили свет,
 Меня разбудил человек в красной шапке,
 Это кольцо,
 И обратного поезда нет,
 Но это не станет помехой
 прогулке романтика.

ГЛЫБА: Слышь ты, романтик, супер Марио, блин! Ты чего такой тощий стал? Реально дрыщ.

КИЧА: Я пощусь.

ГЛЫБА: Чего?

КИЧА: Я соблюдаю пост. Я хожу в церковь. Я молюсь постоянно.

ГЛЫБА: Да ладно.

КИЧА: Да. Тогда у нас не было Бога. Сейчас есть. *Смеются.*

ГЛЫБА: Ты замаливаешь грех. Значит он всё ещё точит тебя.

КИЧА: Нет. Ты не понимаешь. Когда ты стоишь перед иконой нечего замаливать. Перед иконой ты младенец. Даже нет, не младенец. Ты — это твоя сущность. Душа что ли. И перед иконой, или там если ты дома молишься просто перед Богом, нет прошлого, нет будущего. Есть «сейчас» И главное знаешь что? В голове — тишина. В голове Андрюха такая тишина.

ГЛЫБА: Ты шизоид Кича! Ты всегда был чокнутым. Тебе чуть-чуть не хватало до звания городского сумасшедшего. Но... Я так соскучился, брат. Я просто дико по тебе соскучился. *Андрей обнимает Кичу. Он плачет.*

КИЧА: О, это пробка вышла.

ГЛЫБА: Заткнись! Просто заткнись!

КИЧА: Правда. Так всегда бывает, когда что-то, вдруг осознаешь и прыгаешь на новый уровень. Мы все Марио.

Глыба хватается Кичу за плечи, смотрит на него.

ГЛЫБА: Кича, какой же ты старый, блин!

КИЧА: Я? Да! *Смеются.* Это хорошо, что ты приехал, Андрюха! Очень хорошо! Ты увидел, что остров давно уплыл из девяностых. Все другое. Всё хорошо!

ГЛЫБА: Я бы коньяка, за встречу хлопнул.

КИЧА: О! Идем ко мне, я налью. Сам не буду, я пощусь. Но тебе налью. В свою чашку чай с травками всякими... а тебе коньяк.

Они уходят. Появляется Настя. Она умытая, чистая, такая красивая! Улыбается.

НАСТЯ:

Снова новый начинается день,

Снова утро прожектором бьет из окна,

И молчит телефон: отключен...

Снова солнца на небе нет,

Снова бой, каждый сам за себя,

И, мне кажется, солнце -

Не больше, чем сон.

На экране окна

Сказка с несчастливым концом.

Странная сказка...

И стучит пулеметом дождь,

И по улицам осень идет,

И стена из кирпичей-облаков крепка.

А деревья заболели чумой,

Заболели еще весной,

И слетят с ладони листья,

Махавшие нам свысока.

Там за окном

Сказка с несчастливым концом.

Странная сказка...

А потом придет она.

Собирайся, - скажет, - пошли,

Отдай земле тело...

Ну, а тело не допело чуть-чуть,

Ну, а телу недодали любви.

Странное дело..

Там за окном

Сказка с несчастливым концом.

Странная сказка...

Тишина. Темнота. И жизнь... всего лишь сказка.

galina-lavrinenko@yandex.ru

